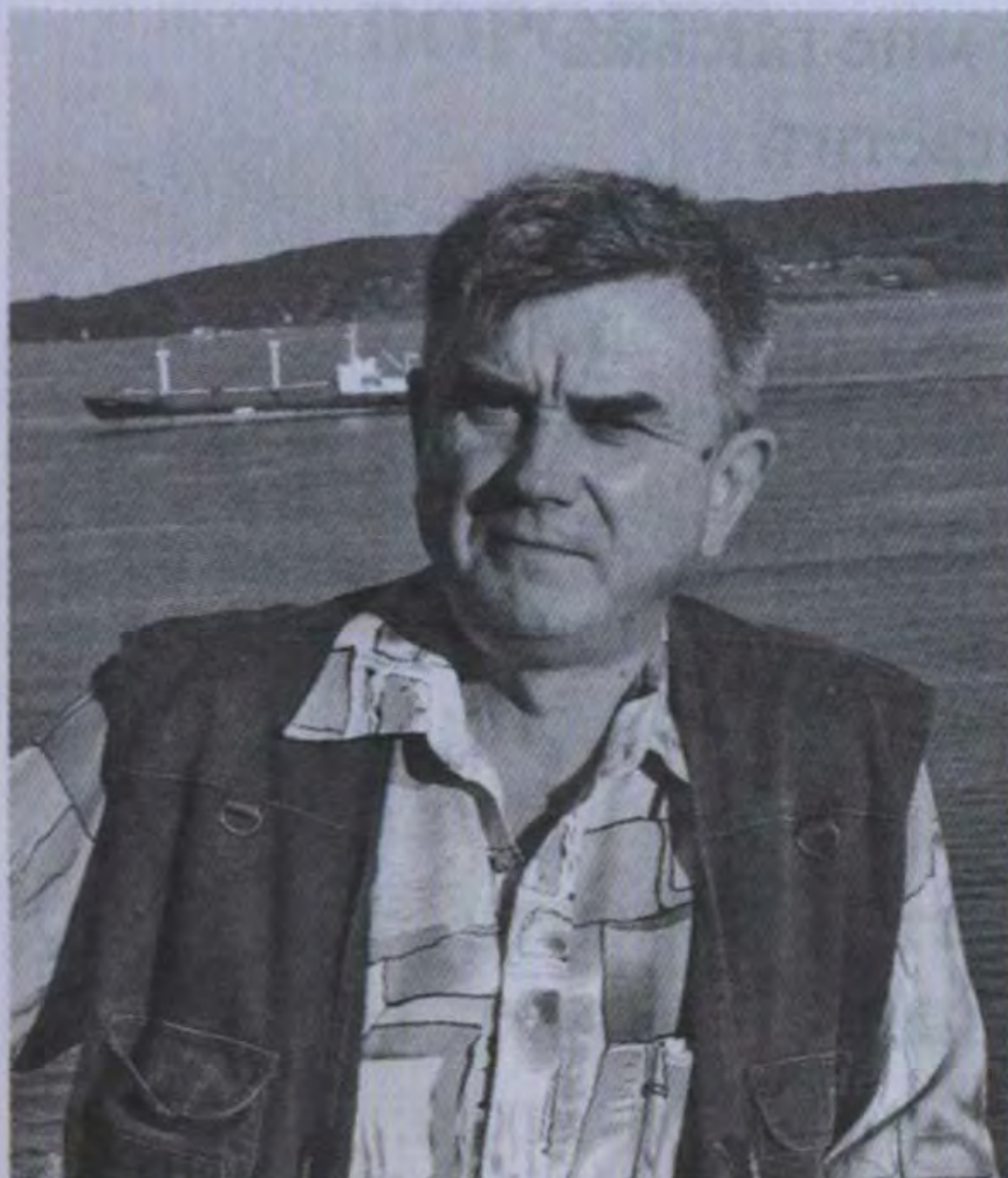




Владимир Володин

Владимир Николаевич Володин родился в 1955 г. в Сумской области, на Украине. Работал в строительном цехе завода электронных микроскопов в г. Сумы. Срочную службу проходил на Дальнем Востоке, где остался на сверхсрочную. Ушёл в запас в 1992 в звании старшего прапорщика. Преподавал в Центре детского и юношеского творчества Белогорска. С 2004 руководит народной студией гитарной песни «Встреча» при управлении культуры администрации г. Белогорска. Пишет авторские песни. В 2006 стал победителем областного конкурса среди педагогов дополнительного образования «Сердце отдаю детям!», а в 2007 завоевал главный приз — Хрустальный ключ — на таком же конкурсе в Санкт-Петербурге. В 2012 ему вручён специальный приз конкурса литераторов «Русский стиль», который ежегодно проводится в Германии, в номинации «Поющие поэты». В 2008 издал книгу стихов. Почётный работник общего образования РФ (2008). Член Союза писателей России

Рассказ

Сонька

Вот уже без малого пятнадцать лет Сонька жила у своей Хозяйки. Это не были в обычном понятии человек и собака. Это были две души, сроднившиеся за долгие годы. А тогда, пятнадцать лет назад, Хозяйка увидела Соньку продрогшим от холода щенком, который, спрятавшись под скамейку от осеннего дождя, из последних сил боролся за свою собачью жизнь. Кто-то сочувственно смотрел на щенка, ругая тех, кто бросил бедное животное на погибель. Кто-то просто проходил мимо: своих забот хватает... А вот у Хозяйки сердце дрогнуло.

— Ну, иди ко мне... — Она наклонилась к щенку, вытащила его из-под скамейки и взяла на руки. Спрятав его поглубже под пальто, поспешила на работу.

— И оно тебе надо? — спрашивали Хозяйку коллеги, пожимая плечами.

— Наверное, надо... — в свою очередь пожимала плечами Хозяйка.

С этого дня жизнь у Соньки круто изменилась. Теперь у неё был свой дом. Сама она, конечно, этого ещё не понимала, но где-то в глубине души чувствовала, что теперь ей не придётся мокнуть под дождём и мучиться от голода. По статусу Сонька была дворняжкой — но до-

вольно симпатичной! Острый носик, такие же остренькие ушки, хвост колечком и совсем крошечные лапки. Когда она семенила рядом с Хозяйкой, казалось, что у неё их не четыре, как у остальных собак, а как минимум в два раза больше. Да и собакой её было трудно назвать! Хотя бы потому, что и в три месяца, и в два года она оставалась почти такой же крошечной, как и тогда, когда Хозяйка нашла её на остановке под скамейкой.

Когда Сонька немного подросла, Хозяйка вывела её во двор на прогулку. Кого там только не было! И чванливые коты, и любопытные дворняги, и породистые собаки разных мастей. Впрочем, Соньке до них не было никакого дела! Она всегда пробегала мимо своих соседей, не обращая на них внимания. Вскоре и на неё тоже перестали обращать внимание. Так все и жили, в мире да в согласии.

Первое время Хозяйка и Сонька выходили на прогулки по три раза в день. Но сами понимаете: с пятого этажа — на первый, потом обратно, да по три раза... В общем, решили на прогулки выходить пореже. А потом Хозяйка и вовсе стала хитрить. Как только услышит шум за дверью — тут же выглядывает:

— Семёныч, — спрашивала она соседа, — ты, никак, на работу?

— А куда же ещё? — отвечал спокойно Семёныч, уже зная, чем закончится этот разговор.

— Так, может, Соньку захватишь?

— Так захвачу, — улыбался он хитрой Хозяйке. — Первый раз, что ли?

Сонька, тоже выглядывая из-за двери, прислушивалась к их разговору. Она-то знала: раз Семёныч общается с Хозяйкой, стало быть, сейчас именно Семёныч, и никто другой — её, Соньки, ближайший друг! По крайней мере, до дверей подъезда — точно.

— Ну что, Сонька, пошли? — Сосед закрывал на ключ свою дверь и начинал спускаться по лестнице. Сонька послушно семенила за ним, никогда его не обгоняя. Если же Семёныч останавливался, чтобы прикурить, она тоже останавливалась и терпеливо ждала, пока Семёныч не продолжит свой путь.

А вот домой Сонька возвращалась уже сама. Дверь подъезда всегда была открыта: в любое время дня и ночи. Да что — ночи... В любое время года! Вернее, не вся двустворчатая дверь, а её половинка. Даже не половинка, а скорее — четвертинка. Большая часть двери всегда была на месте, всегда прикрыта. А четвертинка — всегда была нараспашку. А порой её и вовсе не было. Сколько её на место ни ставили, сколько её к порогу ни прибывали — бесполезно! Нараспашку — и всё тут! Так что через пять минут Сонька была уже дома: благо Хозяйка и свою дверь оставляла для неё открытой.

Вот так жили они вместе все эти годы в своей маленькой, но такой уютной квартирке. Хозяйка уходила на работу, и Сонька терпеливо её ждала, свернувшись клубочком на кухне, возле тёплой батареи. Впрочем, возле батареи Сонька ждала свою Хозяйку всегда. Уж очень удобное там было место: в аккурат напротив входной двери. Возвращение Хозяйки никогда не прозеваешь. Пока Хозяйка готовила еду, возясь у плиты и тарахтя кухонной утварью, Сонька лежала рядом на кресле и наблюдала за ней. Чуть-чуть подремлет и опять наблюдает...

Если Хозяйка смотрела телевизор, Сонька лежала у неё на коленях и то сладко во сне постанывала, то чисто по-собачьи, смешно похрапывала. А вот если у Соньки настроения не было, она уходила на другое любимое место — за диван — и могла там проспать целый день.

Но однажды Сонька не захотела выходить на улицу. Отгоняя от себя тревожные мысли, Хозяйка кое-как вывела её во двор... А домой Соньку пришлось нести уже на руках. И Хозяйка поняла, что совсем недалёк тот день, когда встречать её будет уже некому. Что совсем скоро за ней уже никто не будет наблюдать, пока она готовит ужин. Что уже некому будет сидеть у неё на коленях... Ведь по человеческим меркам Сонька была уже глубокой старушкой.

...С каждым днём силы у Соньки таяли. Каждое утро Хозяйка уходила на работу с таким чувством, как будто она не просто оставляла Соньку одну дома, а предавала свою любимую дворнягу. Но продолжалось это недолго.

В один из дней, сразу же после работы, Хозяйка, почувствовав какую-то тревогу, чуть ли не бегом помчалась домой. Открыв дверь, она увидела заслезившиеся глаза Соньки, глядевшие прямо на входную дверь. Это были глаза, полные отчаянного ожидания!

— Сонечка, милая... — Хозяйка взяла собаку на руки. — Ну что ты?.. — еле сдерживая рыдания, проговорила она, поглаживая собаку.

Сонька смотрела Хозяйке в глаза. Смотрела так, как умеют смотреть только собаки. Хозяйка гладила её по маленькой, совсем щенячьей головке, не замечая своих слёз, скатывающихся одна за другой. Они всё смотрели и смотрели друг другу в глаза, не отрываясь, стараясь как можно дольше продлить этот миг. Миг прощания... Но вот глаза у Соньки стали закрываться... Она напряглась, пытаясь их открыть хотя бы ещё раз... Но вдруг глубоко вздохнула и затихла.

— Сонечка, милая.... — Хозяйка всё гладила и гладила собаку, — Родная моя... Дождалась меня... — Хозяйка всхлипнула и благодарно прижала ещё теплое тельце к своей груди.

...За окном моросил мелкий дождь, где-то прогремел состав товарняка. В комнате, где становилось всё темней и темней, вели неслышный, безмолвный разговор две души. Тоскующая душа Хозяйки, которая ни-

как не могла смириться с потерей любимого существа. И ещё не улетевшая в собачий рай душа Соньки. Соньки, которая столько лет теплом своего маленького собачьего тельца согревала эту квартиру, теперь неожиданно осиротевшую...

Детям нужно помогать!

Свою семью Сергей Петрович очень любит. Пока работал на заводе — после каждого рабочего дня домой приносил гостинцы. Сначала — детям, потом внукам. Хоть конфетку, хоть какую-то печенюшку — да принесёт. А не так давно он вышел на пенсию. Первое время маялся от непривычного безделья, но скоро смирился с тем, что уже не нужно вставать чуть свет, бежать на завод... Но без дела не оставался: то по хозяйству повозится, то жене поможет, то зятю...

— Детям нужно помогать! — стал всё чаще говорить Сергей Петрович, стараясь хоть что-то сделать для дочери с зятем. Мастером на все руки он, конечно же, не был, но желание сделать «что-то очень нужное» у него было сильное. Как-то увидел, что у мотороллера, на котором зять иногда мотался по своим делам, отвалился левый щиток. Вот он и решил: зятю нужно обязательно помочь! Правда, подход к ремонтным работам у Сергея Петровича был свой, особенный. Сергей Петрович никогда и ничего не прикручивал болтами, винтами, или, скажем, шурупами... Только проволочкой! У него и карниз был прикручен проволочкой, и шланг под мойкой... Вот и щиток на мотороллере Сергей Петрович тоже прикрутил алюминиевой проволочкой, которая у него всегда была под рукой.

— Ну как? — показал он зятю свою работу.

— Нормально, батя, — поднял большой палец вверх зять, — То, что надо!

— Детям нужно помогать! — кивнул головой Сергей Петрович и, довольный, пошёл по своим делам.

Зять улыбнулся, открутил проволочку и уже, как положено, прикрепил щиток болтами. Он никоим образом не хотел обидеть старика. Тем более что, если бы не тесть, щиток ещё долго бы валялся возле мотороллера.

А год назад зять прикупил дачный участок: чисто под картошку. Правда, добираться до него было не совсем удобно: автобус не ходит, машины у зятя нет... А до участка — чуть ли не с десятков километров. Но когда в конце весны всю их семью сосед отвёз на посадку картошки, Сергею Петровичу место очень понравилось. Совсем рядом — сосновый бор: за пару часов можно насобирать полное ведёрко маслят.

Чуть подальше — небольшое озерцо, где такие же дачники, пока их жёны занимались рассадой помидорчиков, перчиков и прочих овощей, ловили всякую мелочь. Рыбалка в этом озерце была не ахти, но на жарёху хватало.

В конце июля, когда пришло время очередной прополки картошки, зятя неожиданно на целый месяц отправили в командировку. Дочка целыми днями пропадала в своей больнице: лето для медиков, сами понимаете, пора «жаркая»: то дети перегрелись, то съели что-то не то... В общем, не до картошки. И тогда Сергей Петрович решил прополкой заняться сам.

— И куда тебя понесло? — стала ворчать жена. — Это же тебе не в магазин сходить...

— Детям надо помогать! — как всегда ответил Сергей Петрович и, собрав нехитрый «тормозок», взял тяпку и отправился в путь.

К вечеру вернулась уставшая дочка.

— А папа где? — спросила она, снимая туфли.

— Как где? Детям помогает, — иронично хмыкнула из кухни мать.

— Каким детям?

— Так нашим детям и помогает!

— Не понимаю.

— Да картошку вашу пропалывает!

— И он попёрся в такую даль?! — ахнула дочь.

— Так я же ему так и сказала! — выглянула мать из кухни. — Ну, ему же нужно мир спасать! — кинула мать на ходу, возвращаясь к плите.

— Детям нужно помогать! — В дверном проёме неожиданно появился сам Сергей Петрович. Он закрыл за собой дверь и плюхнулся на стул.

— Так что, дочка, — поднял он указательный палец, — за картошку можешь не беспокоиться: прополкал каждый рядок, каждый кустик!

— Ну, папка... Ну, ты вообще! — восхищённо выдохнула дочка. — Сильно устал?

— Ну, не без этого... Зато я вам принёс гостинец! Аж два кабачка! Что, мать, пожарим кабачков?

— А почему бы и не пожарить? Считай, первые кабачки этим летом. Конечно, пожарим...

— Подожди, папа... — Дочка на секунду задумалась. — Какие кабачки?

— Ну, какие кабачки... Обычные, зелёные... Пузатые, как поросята! Да вон они, в сумке.

— Папа, а ты в курсе, — дочка с иронией посмотрела на отца, — что мы в этом году кабачки не садили? Да мы вообще никогда кабачки не садили! Ни разу! Папа, какие кабачки?

— Та-а-к... — деланно возмущаясь, протянула жена, выходя из кухни, вытирая руки об подол. — Это кому же ты, старый дурень, картошку полол? А?

— Так, получается, что не знаю кому, — почесал затылок Сергей Петрович. — Они же все одинаковые, огороды эти...

— Ладно, папа, не расстраивайся. — Дочка села рядом с отцом, обняла его за плечи. — Наверняка у тех, кому ты... — Ой, не могу!.. — еле сдерживаясь от хохота, проговорила она. — Наверняка у них тоже есть дети. Как ты думаешь?

— Ну, наверное, есть...

— А детям нужно — что?

— А детям нужно помогать... — Сергей Петрович виновато отвернулся от дочери.

— Ну вот, видишь: всё очень даже замечательно! Правда, мам: замечательно же?

— Да замечательно. Куда ж ещё — замечательней, — махнула мать рукой.

— Ну что, помощник ты наш: пошли жарить кабачки? — вытерла дочка выступившие от смеха слёзы. — Зря, что ли, старался?